

Египетскія Ночи

Проф. М. Л. ГОФМАНЪ

Египетскія Ночи

съ полнымъ текстомъ импровизаціи Италіанца,
съ новой, четвертой главой — ПУШКИНА и съ
Приложениемъ (заключительная пятая глава)

Издаль Сергей ЛИФАРЬ

ПАРИЖЪ 1935

Tous droits de reproduction, de traduction et
d'adaptation sont réservés pour tous les pays, y compris la
Russie.

Copyright by M. Hofman, Octobre 1934.

I

Достоевский говорилъ объ «Египетскихъ Ночахъ», какъ объ одной изъ самыхъ гениальныхъ и интересныхъ, необычныхъ повѣстей Пушкина, въ которой поэту удалось воскресить упадокъ античнаго міра съ его паучьимъ сладострастіемъ самки, пожирающей самцовъ.

«Египетскія Ночи» и своимъ сюжетомъ, и своей формой — чередованіемъ стиховъ и прозы, и своимъ содержаніемъ — преизбыточнымъ богатствомъ красокъ, роскошью картины пира великолѣпной царицы Египта — «Черногъ сіяль! Гремѣли хоромъ пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ», — «Египетскія Ночи» занимаютъ совсѣмъ особенное мѣсто въ сдержанной, почти сухой и дѣловой прозѣ Пушкина и являются творческую вершину, на которую взлетѣлъ Геній поэта для того, чтобы... сейчасъ же покинуть эту вершину: «Египетскія Но-

чи» — плодъ высокаго и великаго вдохновенія — остались неоконченными... Послѣ клятвы Клеопатры, всходящей «простой наемницей» «на ложе страшныхъ искушеній» сладострастно утолить желанья своихъ властителей одной ночи, печатный текстъ обрывается отрывкомъ, дразнящимъ воображеніе читателя своей упоительной, сладостно-роскошной Нѣгой:

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій.
Александрийскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь.
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳіміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ.
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ
Средь обольстительныхъ чудесъ
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсь
Блистаєтъ ложе золотое...

.....

Что за этой выразительной строкой многоточія? — Тщетно пытается читатель угадать, переступить порогъ: Воображеніе раздразнено, стимулировано, но оказывается творчески-безсильнымъ и не рисуетъ продолженія пушкинской картины...

Впрочемъ, нашелся читатель, и не простой читатель, а поэтъ и изслѣдователь Пушкина — Валерій Брюсовъ, которому воображеніе подсказало продолженіе и который написалъ много стиховъ о томъ, какъ на золотомъ ложѣ Клеопатра продавала свои ночи тремъ героямъ, принявшимъ ея вызовъ, приступившимъ къ

страстному торгу. Получилась длинная.... и скучная поэма, лишний разъ подтверждавшая то мнѣніе, что бѣрно трудно писать «за Пушкина». Но этого мало: поэма Брюсова должна была возбудить сомнѣніе въ томъ, что импровизація итальянца обрывается, а не заканчивается: такъ насыщена клятва Клеопатры, такъ въ ней уже *implicite* содержатся проданныя ею ночи, что никакого описанія ихъ и не нужно — и описаніе ихъ тѣмъ менѣе вѣроятно, что трудно представить себѣ импровизацію въ формѣ большой поэмы.

И дѣйствительно, изученіе рукописей Пушкина обнаруживаетъ прежде всего два замѣчательныхъ факта: 1) отрывокъ «И вотъ уже сокрылся день» представляетъ черновой набросокъ одной изъ первоначальныхъ редакцій начала стихотворенія-поэмы 1825 года «Клеопатра» и въ качествѣ обзывающагося конца только пристегнуть издателями сочиненій Пушкина (въ томъ, что этотъ набросокъ варіантъ, а не продолженіе, можно было бы догадаться и изъ первого его стиха — «И вотъ уже сокрылся день»: чертогъ сіялъ, пиръ Клеопатры происходилъ не днемъ, а ночью); 2) бѣловая, начисто переписанная Пушкинымъ въ 1825 году копія стихотворенія-поэмы «Клеопатра», начинающаяся словами «Чертогъ сіялъ» и кончающаяся стихомъ «Глава щастливцевъ отпадеть», имѣеть такой законченный видъ, что не позволяетъ послѣ этого стихаставить никакого многоточія и рассматривать все стихотвореніе какъ незаконченное. Изученіе рукописей поэта говоритъ и о томъ, что издатели и редакторы сочиненій Пушкина къ прозаической повѣсти 1835 года «Египетскія Ночи» механически присоединили въ неизмѣнномъ видѣ (за исключеніемъ многоточій и об-

манчиваго продолженія — чернового варіанта начала) вполнѣ законченное и отдѣланное стихотвореніе 1825 года «Клеопатра». Возникаетъ естественный вопросъ: входило ли въ намѣренія Пушкина взять въ качествѣ импровизаціи итальянца въ «Египетскихъ Ночахъ» свое стихотвореніе 1825 года? Обратимся снова къ рукописямъ Пушкина — и въ нихъ найдемъ отвѣтъ — отрицательный или, вѣрнѣе, полуотрицательный: поэтъ въ 1835 году имѣлъ въ виду использовать свое стихотвореніе 1825 года, но не вставлять его въ томъ видѣ, какой оно имѣло десять лѣтъ тому назадъ.

Рукописи Пушкина вскрываютъ такую картину созданія импровизаціи.

Въ концѣ 1824 года, находясь въ Михайловскомъ, Пушкинъ заинтересовался лаконичною фразой второстепенного римскаго писателя Аврелія Виктора объ египетской царицѣ Клеопатрѣ, продававшей свои ноги цѣною жизни, и написалъ стихотвореніе «Клеопатра», начинавшееся стихами:

Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ...

Въ этой первоначальной редакціи первая половина стихотворенія была написана четырехстопнымъ ямбомъ, вторая — съ заключительными стихами —

Онъ Клеопатрою казалось дышалъ
И молча, долго имъ Царица любовалась —

шестистопнымъ.

Въ 1825 году поэтъ окончательно отдѣлалъ свою пьесу, передѣлавъ всѣ шестистопные ямбы въ четырехстопные и прибавивъ два начальные стиха:

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ.

Несмотря на то, что стихотвореніе было вполнѣ отдѣлано, переписано и приготовлено къ печати, Пушкинъ его почему-то не печаталъ, и оно оставалось въ его бумагахъ десять лѣтъ. Черезъ десять лѣтъ поэтъ вспомнилъ о немъ, и оно явилось зерномъ, изъ которого стала выростать повѣсть, все болѣе и болѣе осложнявшаяся новыми мотивами (— примѣръ, не единичный въ творчествѣ Пушкина).

Въ концѣ 1834 — въ началѣ 1835 года Пушкинъ задумывалъ большой романъ изъ римской жизни, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ долженъ быть быть Петроній. Въ качествѣ эпизода, въ этотъ романъ долженъ быть войти «египетскій анекдотъ».

Поэтъ очень скоро оставилъ свой романъ, къ которому приступалъ съ обдуманнымъ планомъ, и для которого написалъ нѣсколько стихотвореній—вольныхъ подражаній Горацио и Анакреонту (такимъ образомъ очень вѣроятно предположеніе, что Пушкинъ хотѣлъ ввести разсказъ о Клеопатрѣ въ той стихотворной формѣ, въ какой онъ вылился въ 1825 году).

Романъ оборвался въ самомъ началѣ, но сохранившійся набросокъ плана даетъ материалъ для сужденія о замыслѣ Пушкина и о мѣстѣ, которое занималъ въ немъ эпизодъ Клеопатры:

«Описаніе дома —

Первый вечеръ, нась было 6. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается — и сказываетъ оду (отрывокъ).

(Мы находимъ П. со своимъ лѣкаремъ — онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти — избираеть

теплые ванны и кровь) описание приготовленій — Онъ перевязываетъ руку — и начинаются разсказы —

1) О Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ

2) вечеръ. П. приказываетъ разбить драгоценную чашу — диктуется Satyricon — разсужденіе о паденіи человѣка, — о паденіи боговъ, — объ общемъ безвѣріи — о предразсудкахъ Нерона — рабъ христіанинъ....»

Пушкинъ оставилъ романъ изъ римской жизни, но зерно «Клеопатры» продолжало рости, и осенью 1835 года поэтъ нѣсколько разъ начиналъ повѣсть изъ современной ему великосвѣтской жизни, въ которой, опять таки въ качествѣ эпизода, приспособляя пьесу 1825 года. Въ одной изъ начальныхъ редакцій повѣсть начиналась съ разговора на балѣ у княгини Д.: на вопросъ, кто является первой женщиной въ свѣтѣ, одинъ изъ гостей называетъ Клеопатру и переводитъ латинскую фразу о ней Аврелія Виктора: «Haec tanta libidinis fuit, ut saepe prostituerit; tanta pulchritudinis ut multi noctem illius morte einerint» —

« — Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала свою красотою, и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни...

— Какой ужасъ! — сказали дамы, — что же вы тутъ нашли удивительного?

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не дешево. Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму; — онъ было и началъ ее, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ.

— Что жъ изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? Какая тутъ главная идея — не помните ли?

— Онъ начиналь описаніемъ пиршества въ садахъ царицы египетской. На берегу четыреугольного озера, выложенного Мемфискимъ мраморомъ — Клеопатра угощаетъ своихъ друзей. — Порfirные львы съ орлиными головами изливаютъ воду изъ позолоченныхъ клевовъ. Гремить сладострастная музыка — сирійскій фіміамъ курится въ кадильницахъ — — Евнухи разносятъ вина Италіи — Народъ тѣснится на порfirныхъ ступеняхъ — Гости на ложахъ изъ слоновой kosti. Широкія опахала навѣваютъ прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой

Она задумалась — и долу

Поникла дивною главой —

Пиръ утихъ и будто задремалъ — Гости въ недумѣніи....»

Уже въ этой начальной редакціи повѣсти изъ современной жизни Пушкинъ не переписываетъ, а передѣлываетъ — чередуя художественную прозу со стихами — стихотвореніе 1825 года. Иначе и не могло быть: пріятель поэта, начавшаго поэму о Клеопатрѣ, могъ помнить содержаніе и отдѣльные стихи, но никакъ не всю поэму цѣликомъ — такого неправдоподобія Пушкинъ не могъ допустить.

Нѣсколько разъ Пушкинъ начиналь свою повѣсть съ эпизодомъ Клеопатры и нѣсколько разъ бросалъ ее, наталкиваясь все время на одно и то же препятствіе — на невозможность вложить въ уста рассказчика сколько-нибудь значительные отдѣлы стиховъ. Наконецъ, онъ нашелъ выходъ, подсказанный ему, быть можетъ, жизнью (въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ мы узнаемъ изъ современныхъ газетъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ часто выступали пріѣзжіе им-

провизаторы): въ повѣсть быль введенъ импровизаторъ, и тѣмъ самыи была оправдана стихотворная форма «египетскаго анекдота».

Повѣсть все болѣе и болѣе расширялась: поэту-импровизатору съ его мгновеннымъ вдохновеніемъ-одержимостью противополагался поэтъ аполлоническо-пушкинского типа Чарскій, почти портретъ Пушкина, и параллельно съ проблемой Клеопатры возникала другая проблема — тайны поэтической импровизаціи и, болѣе обще, тайны поэтическаго творчества. Послѣ первой, пробной импровизаціи итальянца на любимую пушкинскую тему — какъ будто отрицающую импровизацію съ ея навязаннымъ извнѣ вдохновеніемъ — «Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ» — (для этой импровизаціи, не вошедшей въ печатный текстъ «Египетскихъ Ночей», Пушкинъ передѣлалъ одну изъ строфъ такъ называемой «Родословной моего героя», разрушивъ ея онѣгинскій строй, онѣгинскій порядокъ риѳмъ), — послѣ первой импровизаціи Чарскій-Пушкинъ восклицаетъ:

«Удивительно.... Какъ! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого беспокойства, которое предшествуетъ вдохновенію?.. Удивительно, удивительно!..

Импровизаторъ отвѣчаетъ:

— Всякій талантъ неизѣяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ

головы поэта выходить уже вооруженная четырьмя рилемами, размѣренная стройными, однообразными стопами? — Такъ никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновенiemъ и чуждой виѣшнею волею — тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить.....» (далъше развивается другая пушкинская тема: «не продается вдохновеніе, но можно рукопись продать»).

Пушкинъ не удовольствовался словами: «всякій талантъ неизъяснимъ» и захотѣлъ дать отвѣтъ на вопросъ: какъ, почему мысль изъ головы поэта выходить уже вооруженная четырьмя рилемами, размѣренная стройными, однообразными стопами? — Развивая пересказъ поэмы художественной прозой, Пушкинъ заставляетъ итальянца начать свою импровизацію размѣренной прозой «Темная, знойная ночь», насыщеною художественными образами и содержащею въ себѣ стихотворные элементы стопы и строфы: въ прозѣ уже заключена стихотворно-ритмическая форма скрытыхъ ямбовъ («горятъ недвижно»), хореевъ («триста черныхъ евнуховъ»), дактилей («свѣты и шумны чертоги»), амфибрахіевъ («но воздухъ недвижимъ») и анапестовъ («только звуки киѳары и флейты потрясаютъ огни....»); ритмическое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ — «триста» въ будущей второй строфѣ, «недвижно» — въ третьей, «грусть» — въ четвертой — образуетъ ритмические раздѣлы — почти стихи; естественно-образующіяся ритмъ заколдовывается, экзальтируетъ импровизатора, и, во власти ритма, въ немъ организуются стихи, въ которые стихійно переходитъ его проза:

«Вдругъ царица задумалась и грустно поникла див-

ною головою; свѣтлый пиръ омрачился ея грустію, какъ солнце омрачается облакомъ.

О чемъ она грустить? (еще прозаическая строчка, еще нѣть риѳмы, но уже правильный трехстопный ямбъ, послѣ котораго музыкально необходимы стихи —)

Какая грусть ее гнететъ?
Чего, чего недостаетъ etc. etc.».

Въ связи съ художественно-прозаическимъ началомъ импровизаціи, Пушкинъ передѣлываетъ начало стихотворенія 1825 года «Клеопатра» — первыя двѣ строфы его (кончая стихами: «Скажите: кто межъ вами купитъ цѣною жизни ночь мою»), развитыя въ первоначальныхъ наброскахъ повѣсти 1835 года. Какъ можно думать, Пушкинъ не перерабатывалъ всѣхъ остальныхъ стиховъ «Клеопатры» 1825 года, потому что они и не нуждались въ передѣлкѣ, и предполагаль включить ихъ безъ измѣненія въ импровизацію итальянца (впрочемъ, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что, печатая «Египетскія Ночи», поэтъ не внесъ бы и въ нихъ измѣненій, но, во всякомъ случаѣ, объемъ импровизаціи — «Темная, знойная ночь объемлетъ Африканское небо..... Клянусь — подъ смертною сѣкирой Глава счастливцевъ отпадеть» — вполнѣ опредѣленъ).

Отмѣтимъ, для полноты изслѣдованія, что Пушкинъ начисто переписалъ начало «Египетскихъ Ночей». Третья глава обрывается въ рукописи Румянцовскаго Музея словами: «Музыка умолкла... Импровизація началась», но непосредственное продолженіе, самая импровизація — на той же синей бумагѣ, тѣмъ же почеркомъ и тою же манерой записи (на одной половинѣ страницы) — находится въ рукописи Онѣгинскаго со-

бранія: «Темная, знойная ночь объемлетъ Африканское небо....» и дальше: «Какая грусть ее гнететь», кончая стихами:

Вотще! въ ней сердце глухо страждеть,
Однѣхъ утѣхъ безвѣстныхъ жаждетъ —
Утомлена, пресыщена,
Больна безчувствіемъ она.....

Такимъ образомъ, изученіе рукописей Пушкина даетъ намъ право сдѣлать слѣдующій важный, первый выводъ: поэтъ довелъ «Египетскія Ночи» до конца импровизаціи итальянца, при чмъ во второй части ея — стихотворной — воспользовался, переработавъ его, законченнымъ стихотвореніемъ 1825 года «Клеопатра»; эта законченная, но еще не до конца отдѣланная импровизація, печатаемая ниже, сильно отличается отъ той импровизаціи, которая входитъ во всѣ собранія сочиненій Пушкина, и которая внушаетъ невѣрную мысль, будто Пушкинъ хотѣлъ еще продолжать ее. Мы знаемъ первое и послѣднее слово импровизаціи, и продолжать ее «за Пушкина» — значитъ искажать его творческій замыселъ.

II.

Изъ того, что импровизація итальянца была окончена (мы выражаемся осторожно — окончена, а не закончена), слѣдуетъ ли, что была окончена и вся повѣсть 1835 года — «Египетскія Ночи»? Иначе говоря, заканчивались ли «Египетскія Ночи» «египетскимъ анекдотомъ», какъ могли думать и Достоевскій, и Валерій Брюсовъ, или «египетскій анекдотъ» долженъ былъ слу-

жить только прекрасной завязкой большой повѣсти, можетъ быть, романа? —

Обращеніе къ черновымъ рукописямъ 1835 года да-етъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ: Пушкинъ задумывалъ интереснѣйшее художественное произведеніе въ двухъ параллельныхъ планахъ: въ эпизодическомъ — античномъ, гдѣ главной и, собственно единственной, героиней являлась жестокая и сладострастная египетская царица Клеопатра, — и въ основномъ — современномъ, гдѣ роль Клеопатры поручалась свѣтской женщинѣ — «Клеопатрѣ Невы». Болѣе того, одна изъ черновыхъ редакцій доведена уже до «страстнаго торга»:

«....Алексѣй Иванычъ сѣлъ подлѣ Лидиной, наклонился, будто разсматривая ея работу, и сказалъ ей вполголоса:

— Что вы думаете объ условіи Клеопатры?

— Лидина молчала. — Алексѣй Иванычъ повторилъ свой вопросъ.

— Что вамъ сказать? И нынче иная женщина дорого себя цѣнить, но мужчины 19-го столѣтія слишкомъ хладнокровны, благоразумны, чтобы заключать такія условія.

— Вы думаете, — сказалъ Алексѣй Иванычъ голосомъ вдругъ измѣнившимся, — вы думаете, что въ наше время въ Петербургѣ, здѣсь — найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной... чтобы предписать любовнику условія Клеопатры?..

— Думаю — даже увѣрена.

— Подумайте — это было бы слишкомъ жестоко — болѣе жестоко, нежели самое условіе... Вы не обманываете меня? Скажите...

Лидина взглянула на него огненными глазами и произнесла твердымъ голосомъ: — нѣтъ.

Алексѣй Иванычъ всталъ — и тотчасъ исчезъ».

Вотъ эта-то вторая часть повѣсти — воплощеніе «египетскаго анекдота» въ формахъ великосвѣтской петербургской жизни XIX столѣтія — и не была осуществлена Пушкинымъ, и къ ней-то, естественно, должно обратиться все вниманіе изслѣдователя.

Нетрудно представить себѣ въ общихъ, самыхъ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе «Египетскихъ Ночей», — оно подсказано импровизацией, параллелизмомъ двухъ плановъ. Другое дѣло — самое содержаніе второй части: было ли у поэта достаточно материала для нея, могъ ли онъ правдоподобно вообразить себѣ и нарисовать новую Клеопатру, Клеопатру XIX вѣка? —

Напомнимъ, прежде всего, читателю, что «Клеопатра Невы» была уже упомянута Пушкинымъ въ 1830 году — въ восьмой главѣ «Евгенія Онѣгина», въ строфѣ, посвященной Татьянѣ:

Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И вѣрно бѣ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

Въ откинутой строфи рисуется и самый образъ этой «Клеопатры Невы»:

Неслышно въ залу Нина входитъ,
Остановилась у дверей
И взглядъ разсѣянный обводить
Кругомъ внимательныхъ гостей.
Въ волненыи перси, плечи блещутъ,
Горитъ въ алмазахъ голова,
Вкругъ стана..... и трепещутъ
Прозрачной сѣтью кружева,
И шелкъ узорной паутиной
Сквозитъ на розовыхъ ногахъ;
И все въ восторгѣ, въ небесахъ
Предъ сей волшебною картиной...

Эта «Клеопатра Невы» и должна послужить намъ путеводной нитью для проникновенія въ творческій матеріаль Пушкина, изъ которого должна была создаваться вторая часть «Египетскихъ Ночей» и ближайшимъ образомъ — четвертая глава.

Мы знаемъ имя сѣверной Клеопатры — женщины большихъ страстей — графиня Аграфена Феодоровна Закревская (жена бывшаго финляндскаго генераль-губернатора) — единственная страсть Боратынскаго, взорвавшая его душу и измучившая его длительнымъ и яркимъ огнемъ. Въ поэмѣ «Баль» Боратынскій даетъ образъ княгини Нины — Закревской, смѣющеся надъ всѣми свѣтскими условностями и въ своемъ жарѣ страсти неспособной на тихую любовь:

Страхись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она.
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ. Жалокъ тотъ,

Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ;
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ.
Бѣги ея: нѣтъ сердца въ ней,
Страхися вкрадчивыхъ рѣчей
Одуревающей приманки,
Влюбленныхъ взглядовъ не лови,
Въ ней жаръ упившайся вакханки,
Горячки жаръ, не жаръ любви.

Въ 1828 году Пушкинъ сблизился съ «Альсиной», «Магдалиной», «Феей», «мѣдной Венерой», «Клеопатрой Невы»—съ Аграфеной Федоровной Закревской (ея имя находится во второмъ Донъ-Жуанскомъ спискѣ, въ числѣ женщинъ, раздѣлившихъ страсть Пушкина) и испыталъ ту «пламенную заразу», о которой онъ говорить согласно съ Боратынскимъ. Пушкинъ далъ въ 1828 году «Портрѣть» Закревской, какъ нельзя болѣе подходящій къ современной Клеопатрѣ:

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О жены Сѣвера, порой
Она является межъ вами,
И мимо всѣхъ условій свѣта,
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтиль.

Пушкинъ сталъ ея наперникомъ («она произвѣла меня въ сводники» — писалъ онъ князю П. А. Вяземскому) и «сгорая пламенемъ любви», ревниво слушалъ ея признанія («Отрывокъ»). Поэтъ посвятилъ ей рядъ стихотвореній — и среди нихъ пьесу «Наперс-

никъ», въ которой онъ почти повторяетъ Боратынского:

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ;
Страстей безумныхъ и мятежныхъ,
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

Къ графинѣ А. Ф. Закревской же относится и стихотвореніе: «Когда твои младыя лѣта позорить шумная молва»...

Сравнительное изученіе лирики Пушкина, связанной съ графиней Закревской, его писемъ къ князю П. А. Вяземскому и отрывка повѣсти «Гости съѣзжались на дачу» позволяетъ съ несомнѣнною очевидностью установить тождество «Клеопатры Невы» — графини Закревской съ героиней повѣсти «Гости съѣзжались на дачу» Зинаидой Вольской. И та же Вольская-Лидия фигурируетъ въ черновыхъ наброскахъ «Египетскихъ Ночей»... И Вольская, какъ «беззаконная комета», своими неожиданными проказами «поминутно прерывала важное однообразіе аристократического круга», и она «осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія», и ея «младыя лѣта позорила шумная молва», и у нея былъ свой «наперсникъ» — Минскій, герой повѣсти. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ отмѣтить: Минскій явно автобіографиченъ и черезъ эту автобіографичность сближается съ Чарскимъ. Какъ и Пушкинъ, «въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, ко-

торый наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но усмиренный опытомъ, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма».

Пушкинъ - Минскій - Чарскій, Закревская - Вольская - Лидина — новая Клеопатра... — Наша путеводная нить — «Клеопатра Невы» «Евгенія Онѣгина» — привела насъ къ пушкинскому творческому материалу четвертой главы «Египетскихъ Ночей»: начатая поэма «Гости съѣзжались на дачу» (Пушкинъ часто пользовался материаломъ своихъ неоконченныхъ и неизданныхъ произведеній) и черновики «Египетскихъ Ночей».

Мы и сдѣлали попытку написать четвертую главу по этимъ материаламъ, — материалъ оказался такой богатый, что въ эту пушкинскую главу намъ почти совершенно не пришлось вставлять, даже для связи, своихъ словъ.

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что Пушкинъ написалъ бы совершенно иначе свою четвертую главу «Египетскихъ Ночей», но не можетъ быть никакихъ сомнѣній и въ томъ — и въ этомъ мы видимъ все положительное значеніе нашей попытки, — что Пушкинъ создавалъ бы изъ того же, но расширенного творческаго материала, и потому наша, пусть несовершенная попытка ни въ какой мѣрѣ не деформируетъ, неискажаетъ творческаго замысла Пушкина, а указываетъ его нагляднѣе всякихъ положеній научнаго изслѣдованія, послужившаго для нея исходной точкой. Въ то же время — и это весьма существен-

ный моментъ — она свидѣтельствуетъ съ совершенной несомнѣнностью о томъ, что Пушкинъ могъ продолжать свои «Египетскія Ночи», что матеріалъ для этого у него былъ...

Мы сдѣлали и другую попытку и по возможности пушкинскимъ языкомъ реконструировали и слѣдующую, пятую главу, но не рѣшаемся ее опубликовать въ текстѣ «Египетскихъ Ночей» (она напечатана въ Приложениій) — и потому, что для нея не имѣли такого предопредѣленного матеріала, и потому, что рукописи Пушкина не даютъ отвѣта на вопросъ о концѣ повѣсти: продасть ли Вольская-Клеопатра свою ночь цѣною жизни Чарскаго, потребуетъ ли жестокой платы, или только захочеть «испытать на самомъ дѣлѣ справедливость того, что твердятъ ей поминутно любовники — что любовь ея была бы имъ дороже жизни....»

Только въ видѣ робкаго предположенія, высажемъ наше мнѣніе, что конецъ «Египетскихъ Ночей» долженъ быть драматическимъ, но едва ли не справедливѣе видѣть добровольный драматический исходъ Чарскаго — «Развѣ жизнь ужъ такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастія купить?» — чѣмъ требованіе платы со стороны Клеопатры Невы съ ея «звѣринымъ тщеславіемъ»...

III.

Какъ мы видѣли, «Египетскія Ночи», надъ которыми Пушкинъ много работалъ, которыхъ волновали, тревожили и живо занимали его, которыхъ зреали въ немъ въ теченіе десяти лѣтъ, остались неоконченны-

ми, несмотря на то, что у Пушкина было и желаніе и творческая возможность — творческій материалъ — продолжать ихъ.

Почему одинъ изъ самыхъ интересныхъ и значительныхъ замысловъ Пушкина не получилъ своего осуществленія? — таковъ послѣдній, заключительный вопросъ нашего изслѣдованія.

За исключеніемъ зерна — стихотворенія «Клеопатра» и отрывка повѣсти изъ древне-римской жизни, всѣ многочисленныя редакціи «Египетскихъ Ночей» написаны осенью 1835 года въ Михайловскомъ. Никогда еще, можетъ быть, Геній Пушкина не взлеталъ на такую высоту, какъ въ эту осень; никогда еще, можетъ быть, столько большихъ творческихъ замысловъ не роилось въ немъ: тутъ и «Египетскія Ночи», и т. н. «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», и драма о папессѣ Іоаннѣ, и громадный романъ «Русскій Пеламъ», — а Пушкинъ переживалъ трагедію заката, ущерба, и порой бывалъ близокъ къ отчаянію, думая, что Геній его покинулъ его.

«Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе» — не переставалъ онъ повторять азбучную истину своего творчества, а никогда онъ не былъ менѣе спокойенъ, чѣмъ въ эту трагическую осень 1835 года, послѣ неудачной исторіи съ отставкой, которая, вмѣсто того, чтобы дать ему свободу, навѣки закабалила его.

«И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ, и риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ» — Пушкинъ ходить по лѣсамъ и «до головокруженія» думалъ все объ одномъ..... «чѣмъ намъ жить будеть?»

Творческія мысли волновались въ отвагѣ, но никогда такъ трудно не творилъ поэтъ, лихорадочно-тревожно бросавшійся отъ одного замысла къ другому,

отъ одной редакціи къ другой... И, несмотря на громадный творческій взлеть, несмотря на безошибочно-вѣрное и богатое вдохновеніе, Пушкинъ не довелъ до конца ни одного своего замысла — не только драмы, или романа, или повѣсти, но даже стихотворенія. «Египетскія Ночи» раздѣлили судьбу всѣхъ произведеній осени 1835 года. Больше всего Пушкинъ работалъ надъ этой своей повѣстю, встрѣтивъ много препятствій (главное — трудность внесенія въ прозаическую повѣсть стихотворной поэмы). Только введя итальянца-импровизатора, поэтъ сталъ на вѣрный путь, сталъ вдохновенно-творчески работать (и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ успокаиваться — творческій наплывъ всегда такъ дѣйствовалъ на него!) и уже «сквозь магическій кристаль» сталъ ясно различать даль своей повѣсти, — какъ ему пришлось прервать работу: извѣстіе изъ Петербурга объ опасной болѣзни матери заставило его покинуть деревню — «обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ».

Въ 1836 году для своего «Современника» Пушкинъ оканчивалъ и отдѣльывалъ свои старыя произведенія. Очередь не дошла до «Египетскихъ Ночей»....

М. Л. Гофманъ.

Е Г И П Е Т С К И Я Н О Ч И.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«*Quel est cet homme?*»

На, с'ест *un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut.*

«*Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte».*

Чарскій былъ одинъ изъ хореныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій Вицъ-Губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его могла быть очень пріятна; но онъ имѣлъ нещастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить

винительный падежъ вмѣсто родительного послѣ частицы не и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невзгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотрить на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея ползы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, о болѣзни милаго ему человѣка, тотъ часъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое возклисаніе: вѣрно что нибудь сочиняете! Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ Элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ неизнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ ужъ кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угожаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей браты литераторовъ, и предполагалъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ.

Однакожъ не избавляли его. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суевѣріемъ молодаго москвича, въ первый разъ отъ роду прїехавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того беспорядка, который обличаетъ присутствіе Музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ Арабской, никогда не помнилъ козырей и втайне предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ вель жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и на всякомъ званомъ вечерѣ былъ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное щастіе. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь и слыша поминутно славный вопросъ: Не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодат-

ное расположение духа, когда мечтаний явственно рисуются перед вами, и вы обретаете живыя, неожиданныя слова для воплощений видений вашихъ, когда стихи ложатся подъ перо ваше и звучныя риёмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. — Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

Кто тамъ? спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ.

Онъ былъ высокаго росту, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны; блѣдный, высокий лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные, сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглые щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ чернымъ галстукомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ — за политического заговорщика; въ передней — за шарлатана, торгающаго элексирами и мышьякомъ.

Что вамъ надобно? спросилъ его Чарскій на французскомъ языке.

— Signor, отвѣчалъ иностранецъ съ низкими поклонами: *Lei voglia perdonar mi, si...*

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на Италіанскомъ языкѣ.

— Я неаполитанскій художникъ, говорилъ незнакомый, обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что Италіанецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, Signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорблениія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянуль на того, кто назывался его собратомъ.

«Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь: *ho creduto... ho sentito... la vostra eccellenza... mi perdonera...*

Что вамъ угодно? повторилъ сухо Чарскій.

Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ Италіанецъ: и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

Вы ошибаетесь, Signor, прервалъ его Чарскій. Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не польз

зуются покровительствомъ господъ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія *libretto*. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дома въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я великий стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ, но, слава Богу, съ г. стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу. —

Бѣдный Италіанецъ смущился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморные статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленные на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ *dandy*, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ, китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ — ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выдти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія:

«Куда жъ вы?» сказалъ онъ Италіанцу. «Постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услугить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

— Нѣтъ, *eccelenza!* отвѣчалъ Италіанецъ: я бѣдный импровизаторъ.

«Импровизаторъ!» вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Италіанца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему деньги были нужны: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало Импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, Италіанскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ, но это не бѣда; главное, чтобы вы были въ модѣ».

— Но если у васъ никто не понимаетъ Италіанскаго языка, сказалъ, призадумавшись, Импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать?

Поѣдутъ, не опасайтесь. Иные изъ любопытства, другіе, чтобы провести вечеръ какъ нибудь, третыи, чтобы показать, что понимаютъ Италіанскій языкъ; повторяю, надоѣно только, чтобы вы были въ модѣ: а вы ужъ будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Д е р ж а в и нъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й номеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній Италіанецъ отворилъ ее. «Побѣда!» сказалъ ему Чарскій, «ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга, печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ если не за тріумфъ, по крайней мѣрѣ за барышъ...»

— А это главное, вскричалъ Италіанецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ поможете. Согро di Bacco! Вы поэтъ, такъ же, какъ и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Постойте... хотите ли выслушать импровизацію?

Импровизацію!.. развѣ вы можете обойтися и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?

— Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ нибудь и задайте мнѣ тему. —

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной кануркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стола гитару и стала передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.

Глаза Италіанца засверкали; — онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи — выраженія мгновенного чувства — стройно излетали изъ устъ его... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго:

Поэтъ идетъ: открыты вѣжды,
Но онъ не видить никого;
А между тѣмъ за край одежды
Прохожій дергаетъ его.
«Скажи: зачѣмъ безъ цѣли бродишь?
Едва достигъ ты высоты,
И вотъ ужъ долу взоръ низводишь,
И низойти стремишся ты.
На стройный міръ ты смотришь смутно;

Безплодный жаръ тебя томить,
Предметъ ничтожный поминутно
Тебя тревожитъ и манитъ.
Стремиться къ небу долженъ Геній,
Обязанъ истинный поэтъ
Для вдохновенныхъ пѣснопѣній
Избрать возвышенный предметъ.
Таковъ поэтъ: какъ Аквилонъ,
Что хочетъ, то подъемлетъ онъ —
Орлу подобно, онъ летаетъ
По гордой прихоти своей,
И не спросясь ни у кого,
Какъ Дездемона, избираетъ
Кумиръ для сердца своего . . .

Италіанецъ умолкъ... Чарскій молчалъ изумленный
и растроганный.

Ну, что? спросиль Импровизаторъ. — Чарскій
схватиль его руку и сжалъ ее крѣпко.

Что, спросиль Импровизаторъ, каково?

Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. Какъ! чужая мысль
чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею соб-
ственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли,
развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не суще-
стуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого беспокой-
ства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивитель-
но, удивительно!...

Импровизаторъ отвѣчалъ: всякой талантъ неизъ-
яснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарска-
го мрамора видить сокрытаго Юпитера и выводить его
на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ раздробляя его оболоч-
ку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже во-

оруженная четырьмя риөмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? — Такъ никто, кромѣ самого Импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшнею волею; тщетно я самъ хотѣлъ бы это изъяснить. Однако... надоѣло подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публика не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, *la Signora Catalani* брала по 25 рублей. Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ Итальянцемъ въ меркантильные разчеты. Итальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящимъ импровизаторомъ. Озабоченный Итальянецъ не замѣтилъ этой перемѣны и проводилъ Чарского по коридору и по лѣстницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей. Начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала Княгини ** отдана была въ распоряженіе Импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ для продажи и приема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхѣ представленія и хотѣлъ видѣть Импровизатора, чтобы узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ. Онъ нашелъ Италіанца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ посматривающаго на часы. Ита-

ліанецъ одѣтъ быль театрально. Онъ быль въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки быль откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса опущенными клоками осѣняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одѣждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; мужчины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ и за послѣдними стульями. Музыканты, съ своими пульпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посрединѣ стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ — въ половинѣ осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертуру изъ «Танкреда». Все усѣлось и примолкло. — Послѣдніе звуки увертуры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ беспокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута, но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего въ немъ смѣшнаго, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчей. Плескъ утихъ, говоръ умолкъ... Италіанецъ, изъясняясь на плоскому французскомъ языкѣ, просилъ господѣ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на

особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашениі, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Италіанецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло беспокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣлъ безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будеть написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, Импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ Италіанца и написалъ нѣсколько словъ; Италіанецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросиль въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь Неаполитанского посольства и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, бредя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ, одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по италіански, и покраснѣвъ по уши отдала ихъ Импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки, Импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одну за другою, читая каждую въ слухъ:

Семейство Ченчи (*La famiglia dei Cenci*). L'ulti-

mo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta da una prigione. Il triomfo di Tasso.

Что прикажетъ почтенная публика? спросилъ смиренный Импровизаторъ: назначить ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?...

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: — онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безо всякаго смущенія и со всевозможной простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ. Извольте развернуть и прочитать, сказалъ ей Импровизаторъ. Красавица развернула бумагу и прочла въ слухъ: *Cleopatra e i suoi amanti*. — Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глубокой благодарности и возвратился на свои подмостки. Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ; жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ

любовникахъ здѣсь идетъ рѣчъ, perchѣ la grande regina haveva molto?...

При сихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смущился.

Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ, на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему?.... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ извѣсниться.

Никто не торопился отвѣтить. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагосклонное вниманіе и такъ смущилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ... Чарскій не могъ этого вынести, и обратясь къ Импровизатору, сказалъ ему на Италіанскомъ языкѣ: Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ... Не выберете ли вы другова?...

Но уже Импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога... Онъ далъ знакъ музыкантамъ играть... Лицо его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... Музыка умолкла... Импровизация началась.

Темная, знойная ночь объемлетъ Африканское небо; Александрія заснула; ея стогны утихли, дома по-

меркли. Дальній Фаросъ горить уединенно въ ея широкой пристани, какъ лампада въ изголовьи спящей красавицы.

Свѣтлы и шумны чертоги Птоломеевы. Клеопатра угощаетъ своихъ друзей. Столъ обставленъ костяными ложами. Гости увѣнчаны вѣнками. Триста юношей служатъ гостямъ; триста дѣвъ разносятъ имъ амфоры, полные греческихъ винъ; триста черныхъ евнуховъ надзираютъ надъ ними безмолвно.

Порфирная колонада, открытая съ юга и съ сѣвера, ожидаетъ дуновенія Эвра. Но воздухъ недвижимъ, огненные языки свѣтильниковъ горятъ недвижно, дымъ курильницъ возносится прямо недвижною струею, недвижное море какъ зеркало лежитъ недвижно у розовыхъ ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые сфинксы въ немъ отразили свои золоченные когти и гранитные хвосты... только звуки киѳары, флейты потрясаютъ огни, воздухъ и море...

Вдругъ царица задумалась и грустно поникла дивною головою; свѣтлый пиръ омрачился ея грустю, какъ солнце омрачается облакомъ.

О чемъ она грустить?

Какая грусть ее гнететъ?
Чего, чего недостаетъ
Прекрасной, сладостной Царицѣ?
Въ ея блистательной столицѣ
Веселье, блескъ и тишина;

Судьбою властвуетъ она.
Покорны ей земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги.
Горитъ ли Африканскій день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь,
Всечасно роскошь и искусство
Ей тѣшатъ дремлющія чувства.
Всѣ земли, волны всѣхъ морей
Смиренно дань приносятъ ей.
Всечасно предъ ея глазами
Пиры смѣняются пирами.
Постигъ ли кто въ душѣ своей
Нѣмое таинство ночей?...

Вотще! въ ней сердце глухо страждетъ,
Однѣхъ утѣхъ безвѣстныхъ жаждеъ —
Утомлена, пресыщена,
Больна безчувствіемъ она...

И пиръ утихъ и будто дремлетъ.
Но вновь она чело подъемлетъ,
Надменный взоръ ея горитъ,
Она съ улыбкой говоритъ:
Въ моей любви для васъ блаженство
Могу забыть я неравенство.
Язываю — кто приступить?
Свои я ночи продаю —
Скажите, кто межъ вами купить
Цѣною жизни ночь мою?

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца —
Она смущенный ропотъ внемлетъ

Съ холбдной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводить
Кругомъ поклонниковъ своихъ. —
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ —
Смѣла ихъ поступь, ясны очи, —
Навстрѣчу имъ она встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходять жребіи чредой.
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрного презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно отѣняль;
Восторгъ въ очахъ его сіяль;
Страстей неопытная сила

Кипъла въ сердцѣ молодомъ...
И грустный взоръ остановила
Царица гордая на немъ.

— Клянусь... — о матерь наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу,
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грознаго Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю.
Но только утренней порфиroy
Аврора вѣчна блеснетъ,
Клянусь — подъ смертною сѣкирою
Глава щастливцевъ отпадеть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣ вечера импровизаціи избранное общество съѣхалось на дачѣ княгини **. Зала наполнялась дамами и мужчинами, пріѣхавшими въ одно время. Каждый гость, пробравшись до круглого стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ исчезнуть въ толпѣ. Мало по малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около ихъ составился кружокъ мужчинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотрѣ парижскихъ литографій замѣнилъ общий разговоръ.

На балконы сидѣль Чарскій съ путешествующими Испанцемъ. Испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣль онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. «Какъ хороша

ваша съверная ночь», — сказалъ онъ наконецъ, «и какъ не пожалѣть объ ея прелести даже подъ небомъ моего отечества?» — «Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, — отвѣчалъ ему Чарскій, — сравнивалъ ее съ русской бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая Италіанка или Испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между *la brune et la blonde* еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете ли Вы, какъ одна иностранка изъясняла мнѣ строгость и чистоту петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что для любовныхъ приключеній наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы». — Испанецъ улыбнулся. «Итакъ, благодаря вліянію климата», — сказалъ онъ — «Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности». — «Красота дѣло вкуса», — отвѣчалъ Чарскій, — «но нечего говорить объ нашей любезности. Она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Что же касается до чистоты нравовъ, то дабы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я разскажу Вамъ....» И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и красавица, вынувшая жребій, взошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости и блестала красотой и нарядомъ. Голова ея горѣла въ алмазахъ, плечи блестали холоднымъ мраморомъ, прозрачная сѣть кружевъ позволяли видѣть прекрасныя волнующіяся перси, на розовыхъ ногахъ узорной паутиной сквозилъ шелкъ. Правильныя черты, большие черные глаза, живость движеній, самая

странность наряда, все поневолѣ привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какой-то шутливой привѣтливостью, дамы съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но она ничего не замѣчала; отвѣчая кратко на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини ** и, какъ говорится, se mit à bouder.

Но пора читателя ближе познакомить съ главной героиней повѣсти. Зинаида Вольская — такъ звали молодую красавицу — лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки француженки, наняль учителей всякаго рода и послѣ ужъ обѣ ней не заботился. Четырнадцати лѣтъ она была прекрасна, и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ обѣ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру, и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее безъ памяти, потому что генераль-адъютантъ *** на одномъ придворномъ балѣ рѣшительно объявилъ, что *Zénéida* первая въ Петербургѣ красавица, и что Государь, встрѣтивъ ее на Англійской набережной, цѣлый часъ съ нею разговаривалъ. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался слушаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ видѣть у себя весь городъ. Къ тому же Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣлское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе,

и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократического круга. Смѣялись ся шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственаго ея полу, и прозвали ее «беззаконной кометой». Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась. Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдободобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насть въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ следахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противу власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Чарского. Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерѣ и обстоятельствахъ должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Чарскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Чарскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но усмиренный опытомъ, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская понравилась ему

сперва тѣмъ, что она осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія, но, незамѣтно для себя, онъ все больше и больше подпадалъ подъ власть ея красоты, и ея пламенная зараза, ея страсть сдѣлали его скоро ея рабомъ. Видѣть ее стало для него мучительнымъ удовольствіемъ, и хоть онъ зналъ, что ее опасно и видѣть и слышать, что его увлекаетъ въ себя гибельный водоворотъ страстей, онъ жаждалъ и искалъ этого мучительного удовольствія. Съ своей стороны Вольская, «беззаконная комета», почувствовавъ, какую власть пріобрѣла она надъ гордымъ и независимымъ Чарскимъ, испытывала къ нему неодолимое влеченіе и съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда она увидитъ его у своихъ ногъ. Видѣть Чарского становилось для нея потребностью; въ присутствіи его Вольская слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательного свѣта, и скоро до нея стали доходить двусмысленные шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ. Вольская дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ихъ, и, бросая вызовъ свѣту, стала еще болѣе искать встрѣчъ съ Чарскимъ.

Такъ и теперь, сидя возлѣ княгини ** и едва поддерживая скучный свѣтскій разговоръ, она вдругъ вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею. Она встала, пошла около кресель и столовъ, остановилась на минуту за столомъ старого генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и Чарскій оба встали. Она подошла къ нимъ и съ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ

по-русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ се и возвратился въ залу.

Важная княгиня ** проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему соседу: «Это ни на что не похоже».

— Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

«Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя непростиительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно, но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Чарскій могъ бы ей это замѣтить».

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ, я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

«Я въ томъ увѣрена... Давно ли вы стали такъ добродушны?»

— Признаюсь: я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

«Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не хотите ли Вы сказать, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Воображаетъ себя сѣверной Клеопатрой, а просто она дурно воспитана... Кстати, что Вы скажете объ импровизаці?»

Разговоръ сталъ всеобщимъ. Вольская съ Чарскимъ оставили балконъ и присоединились къ обществу.

— Этотъ предметъ должно бы доставить маркизѣ Жоржѣ Зандѣ, такой же безстыдницѣ, какъ ваша Клеопатра. Она этотъ египетскій анекдотъ живо передѣлала бы на нынѣшніе нравы.

— Невозможно. Не было бы никакого правдоподобія. Этотъ анекдотъ совершенно древній; таковой

торгъ нынче несбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища, игры гладіаторовъ и звѣрей.

— Отчего жъ несбыточенъ? Неужто между нынѣшними женщинами не найдется ни одной, которая захотѣла бы испытать на самомъ дѣлѣ справедливость того, что твердятъ ей поминутно любовники — что любовь ея была бы дороже имъ жизни?

— Положимъ, это и любопытно было бы узнать, — но какимъ образомъ можно сдѣлать это ученое испытаніе? Клеопатра имѣла всевозможные способы заставить должниковъ своихъ расплатиться. А мы? Вѣдь нельзя же такія условія написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ Гражданской Палатѣ.

— Можно въ такомъ случаѣ положиться на честное слово.

— Какъ это?

— Женщина можетъ взять съ любовника его честное слово, что на другой день онъ застрѣлится.

— Да! а синь на другой день уѣдетъ въ чужie края, — и она останется въ дурахъ.

Чарскій съ неожиданнымъ жаромъ вмѣшался въ разговоръ.

— Да, — если онъ согласится остаться навѣки безчестнымъ въ глазахъ той, которую любить. — Да и самое условіе неужели такъ тяжело? Развѣ жизнь ужъ такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастіе купить? Посудите сами: первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никоимъ образомъ, и я подставляю лобъ подъ его пулю — я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, повѣсь, которому вздумается испытать мое хладнокровіе. И я стану трусить,

когда дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ? — Что жизнь, если она отравлена уныніемъ, пустыми желаніями! И что въ ней, когда наслажденія ея истощены?

— Неужели Вы въ состояніи заключить такое условіе?

Въ эту минуту Вольская, которая во все время сидѣла молча опустивъ глаза, быстро устремила ихъ на Чарскаго.

— Я про себя не говорю — истинно влюбленный человѣкъ, конечно, не усомнится ни на одну минуту...

— Какъ! Даже для такой женщины, которая бы Васъ не любила? — А та, которая согласилась бы на ваше предложеніе, ужъ вѣрно бѣ Васъ не любила. Одна мысль о такомъ звѣриномъ тщеславіи должна уничтожить самую безумную страсть....

— Нѣтъ, я въ ея согласіи видѣлъ бы одну только пылкость воображенія. — А что касается до взаимной любви... то я не требую, — я люблю тебя, какое тебѣ до того дѣло?....

— Перестаньте, Богъ знаетъ, что Вы говорите...

Молодая графиня К., кругленькая дурнушка, постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которые цѣнятъ себя подороже.

Мужъ ея, польскій графъ, женившійся по расчету (говорятъ, ошибочному), потупилъ глаза и выпилъ свою чашку чаю.

— Что Вы подъ этимъ разумѣете, графиня? — спросилъ молодой человѣкъ, съ трудомъ удерживая улыбку.

— Я разумѣю, — отвѣчала графиня К., — что женщина, которая уважаетъ себя, которая уважаетъ...

Тутъ она запуталась; Чарскій подоспѣль ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважаетъ, не хочетъ смерти грѣшнику, — не такъ ли?

Разговоръ перемѣнился.

Чарскій сѣлъ подлѣ Вольской, наклонился къ ней и сказалъ вполголоса:

— Что Вы думаете объ условіи Клеопатры?

Вольская молчала. Чарскій повторилъ свой вопросъ.

— Что Вамъ сказать? И нынче иная женщина дорого себя цѣнить, но мужчины 19-го столѣтія слишкомъ хладнокровны, слишкомъ благоразумны, чтобы заключить такія условія.

— Вы думаете, — сказалъ Чарскій голосомъ вдругъ измѣнившимся, — Вы думаете, что въ наше время, въ Петербургѣ, здѣсь — найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной... чтобы предписать любовнику условія Клеопатры?..

— Думаю — даже увѣрена.

— Подумайтѣ — это было бы слишкомъ жестоко — болѣе жестоко, нежели самое условіе... Вы не обманываете меня? Скажите...

Вольская взглянула на него огненными пронзительными глазами и произнесла твердымъ голосомъ: — нѣть.

Чарскій всталъ — и тотчасъ исчезъ.

Вскорѣ и всѣ гости стали разѣзжаться; ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи....

Чарскій съ утра находился въ неспокойномъ состояніи. Условіе, заключенное имъ съ Вольской, волновало его воображеніе. Мысль о смерти не пугала его: онъ не разъ стоялъ подъ дуломъ пистолета, привыкъ относиться спокойно къ неизбѣжному концу нашихъ желаній и страданій и даже находилъ неизъяснимое наслажденіе въ томъ, чтобы стоять на краю бездны и заглядывать въ нее.

Чарского неудержимо влекло къ Вольской, и онъ говорилъ съ нею наканунѣ истиннымъ языкомъ страсти: онъ, точно, съ радостью и ни минуты не колеблясь, отдалъ бы жизнь за любовь капризной красавицы, привыкшей видѣть у своихъ ногъ мужчинъ и съ презрѣніемъ отвергать ихъ любовныя мольбы.

Вчера Вольская приняла его предложеніе, и Чар-

скому казалось, что на его долю выпало величайшее счастье, о которомъ онъ никогда и не грезилъ, довольствуясь покоемъ и независимостью, и считая, что онъ не созданъ для счастья. Вчера послѣ вечера у княгини *** онъ былъ счастливъ.

Теперь это счастье больше не радовало его. Мысль о томъ, что не любовь, а звѣриное тщеславіе заставило новую Клеопатру принять его страстный вызовъ, охлаждала его страсть. Если Вольская согласилась на его предложеніе, если могла обречь его на смерть, значитъ она не любила его, и ея женская прихоть не стояла той высокой страсти, которую она внушила ему. Бросая вызовъ Вольской, Чарскій не требовалъ взаимной любви и довольствовался однимъ согласіемъ, въ которомъ онъ видѣлъ только пылкость ея воображенія; теперь ему этого казалось мало, и его страсть требовала отвѣтной страсти.

Свои утренніе часы Чарскій обыкновенно посвящалъ работѣ.

И въ этотъ день онъ заперся въ своеемъ кабинетѣ и взялъ перо. Но мысли его были далеко, и онъ тщетно старался вырывать несвязныя слова у капризной музы. Стихъ не шелъ къ стиху, и онъ чувствовалъ, что теряетъ всѣ права надъ своей прислужницей, какъ онъ называлъ музу.

Чарскій не могъ писать о томъ, чѣмъ полно было его сердце: желая обмануть свою музу, онъ началъ переводить изъ Горация, — эта работа обычно его успокаивала. Онъ выбралъ оду къ Меценату и съ большимъ трудомъ перевелъ ея начало:

Царей потомокъ Меценатъ,
Мой покровитель стародавней,

Иные колесницу мчать
Въ ристалище подъ пылью славной
И заповѣданной ограды
Касаясь жгучимъ колесомъ,
Побѣдной ждутъ себѣ награды
И дѣлять лавры съ божествомъ.
Другie на свою главу
Сбираютъ тутла знамениты,
Непосвященные квириты
Имъ придаютъ молву.....

Вошелъ лакей, принесъ завтракъ и прогналъ вдохновеніе. Послѣ тщетныхъ попытокъ продолжать оду Горация, Чарскій прекратилъ безплодный споръ съ музою и принялъся за смиренную прозу. Но и проза не удавалась ему: порядка не было ни въ мысляхъ его, ни въ ихъ изложеніи. Мысль о Вольской-Клеопатрѣ и о вечерѣ не выходила изъ его головы и онъ въ разсвѣяніи писалъ подрядъ одно и то же слово и чертилъ какіе-то странные рисунки. Чарскій сѣлъ въ кресла и сталъ читать, но глаза скользили надъ буквами. — и книга сама выпала изъ рукъ.

Написавъ нѣсколько дѣловыхъ писемъ, Чарскій сталъ приводить въ порядокъ свою библіотеку и такъ увлекся этимъ занятіемъ, что не замѣтилъ, какъ наступило 7 часовъ вечера. Наскоро переодѣвшись, онъ отправился къ Дюме, гдѣ его появленіе произвело общее веселье. Чарскаго усадили и стали подчывать шампанскимъ, пуншемъ и новыми анекдотами. Ужинъ кончился шумно, и подвыпившая компанія поѣхала къ Софье Астаповнѣ, уговаривая ѻхать и Чарскаго. Чарскій едва вырвался изъ этого ада и, отпустивъ экипажъ,

пошелъ домой пѣшкомъ. Быстрая ходьба и свѣжій морозный воздухъ освѣжили его голову и привели въ порядокъ мысли. Онъ окончательно рѣшилъ отказаться отъ любви Вольской, но заплатить цѣну любви — свою жизнь. Съ этимъ твердымъ намѣреніемъ онъ пришелъ къ себѣ домой, зажегъ свѣчи въ кабинетѣ, вынулъ пистолеты, осмотрѣль ихъ и положилъ въ ящикъ письменаго стола. Чарскій заранѣе отпустилъ всѣхъ слугъ, и въ домѣ была совершенная и какая-то торжественная тишина.

Чарскій сѣлъ въ кресла и погрузился въ неясныя мечтанія. Онъ думалъ не о томъ, что ему сейчасъ предстояло, не о встрѣчѣ съ Вольской, а о давно прошедшемъ; память воскрешала въ его умѣ давно забытыя картины милаго, золотого дѣтства и безпутной, разсѣянной юности. Время переставало для него существовать.

Отчетливый, рѣшительный стукъ въ дверь прервалъ его мечтанія. Чарскій подошелъ къ двери, открылъ ее — на порогѣ стояла Вольская: она была еще прекраснѣе, чѣмъ всегда. У Чарскаго закружилась голова: онъ забылъ все на свѣтѣ, для него ничего не существовало, кромѣ Вольской. Жадными губами онъ сталъ покрывать ея тонкія руки поцѣлуями. Вольская подняла его голову и мягкимъ движеніемъ руки отстранила отъ себя.

— Я пришла къ Вамъ, но подумайте и откажитесь отъ Вашего предложенія. Взвѣсьте хорошенько, стоять ли одинъ мигъ счастья Вашей, можетъ быть, на вѣрное даже, славной жизни? Жизнь — не вѣчный даръ: зачѣмъ же Вы хотите его еще сократить? Подумайте и откажитесь, пока не поздно. Забудемъ о Еги-

петской Царицѣ и поговоримъ о вашихъ стихахъ. Вы написали что-нибудь новое?

Чарскій съ жаромъ сталъ говорить, что онъ съ радостью отдаетъ свою жизнь за одно мгновеніе счастья, что это мгновеніе дороже ему всей прошлой и будущей жизни, что если бъ у него было десять жизней, онъ ни минуты не задумываясь принесъ бы всѣ ихъ къ ногамъ своей царицы Клеопатры. Онъ трепеталъ отъ страсти и торопилъ минуты блаженства. Его страсть, казалось, передалась Вольской: по крайней мѣрѣ, ея щеки покрылись румянцемъ, глаза ея горѣли новымъ блескомъ, но она старалась освободить свой гибкій станъ отъ стѣсненныхъ рукъ Чарскаго и какъ будто не внимала его нѣжнымъ и восторженнымъ рѣчамъ любви, какъ будто пугалась изступленія Чарскаго. Чарскій молилъ, заклиналъ, покрывалъ горячими поцѣлуями ея руки, ея лицо, ея грудь...

Пали ревнивыя одежды на цареградскій коверъ, и очамъ Чарскаго предстала новая Клеопатра, новая царица, новая богиня. Величавая красавица вступала на ложе любви.

— Напомните мнѣ клятву Клеопатры, — сказала она Чарскому, — я хочу повторить ее.

Чарскій началъ декламировать, въ каждый стихъ вкладывая свою страсть и свой восторгъ, какъ будто пересоздавая ихъ.

Послѣдній стихъ Чарскій произнесъ съ особенной силой и восторгомъ. Вольская повторила глубокимъ груднымъ голосомъ, и въ ея голосѣ звучала теперь отвѣтная, неподдѣльная страсть:

Клянусь — до утренней зари
Моихъ властителей желанья

Я сладострастно утолю
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю.

.....

Уже разсвѣтало, и сѣрый петербургскій молоч-
ный туманъ просвѣчивалъ въ шторы, когда Вольская
встала съ ложа любви. Она взяла бокаль, налила шам-
панскаго, высыпала въ него принесенный ею ядъ и по-
дала Чарскому. Твердою рукою поднесъ Чарскій бо-
каль къ губамъ и выпилъ ядъ. Вольская поцѣловала
долгимъ поцѣлуемъ губы Чарскаго. Онъ успѣлъ за-
мѣтить въ ея глазахъ и страсть, и восторгъ, и торже-
жество, и какъ будто легкую усмѣшку.

Чарскій почувствовалъ слабость, туманъ сталъ за-
стилать его голову, онъ зашатался и безсилено опу-
стился на отоманку.

—

..... Было темно, когда Чарскій пришелъ въ се-
бя. Онъ долго не могъ понять, какимъ образомъ онъ
остался живъ, и спрашивалъ себя съ недоумѣнiemъ, не
приснилась ли ему египетская ночь послѣ вечера Ита-
ліанца. Но нѣтъ: ощущенія его были такъ явны, такъ
сильны, онъ пережилъ минуты—вѣчность—такого боль-
шого счастья, что никакихъ сомнѣній не могло быть.
Чарскій зажегъ свѣчи: на столѣ стоялъ пустой бокаль
и рядомъ — надушенный платокъ Вольской. Рука, ко-
торая такъ страстно обнимала его, дала ему бокаль яда.
Онъ выпилъ этотъ ядъ и остался живъ Чудо? Слу-
чай? — Вдругъ онъ вспомнилъ торжествующей, радост-
ный взглядъ Вольской и ея усмѣшку ... Загадка раз-
рѣшалась: она хотѣла только испытать его любовь, из-

мърить его страсть, и подарила ему и любовь, и жизнь. Значить, ея порошокъ не быль ядомъ... Значить Вольская любила его, и онъ можетъ быть счастливъ . . .

Можетъ быть счастливъ? — Нѣтъ, онъ покупалъ ея любовь цѣною жизни, и онъ долженъ заплатить полную цѣну за полное счастье, подаренное ему Вольской. Да и развѣ не стоитъ это счастье остатка унылой жизни? И неужели можно оставаться въ этой мышьей бѣготнѣ, послѣ того, какъ онъ пережилъ полное и неповторимое блаженство? —

Чарскій выдвинулъ ящикъ письменного стола, вынулъ пистолетъ и приставилъ его ко лбу.

Отпечатано въ количествѣ 500
экземпляровъ, въ томъ чи-
слѣ 75 нумерованныхъ на
Papier d'Arches въ типогра-
графіи «Coopérative Etoile»,
17, rue de la Comète, въ Па-
рижѣ, подъ наблюденіемъ
М. Г. Корнфельда.